

Лингвистика. Литературоведение

О. В. СПАЧИЛЬ

**«В МАРТЕ ЕДУ В КУБАНЬ. ТАМ: “AMARE ET NON MORIRE”»
(О мифопоэтике А. П. Чехова)***Статья посвящена Кубани как мифологеме в творчестве А. П. Чехова.***Ключевые слова:** Кубань, И. Л. Леонтьев-Щеглов, А. П. Чехов, мифопоэтика, мифологема.

Десятого января 1888 года А. П. Чехов из Москвы пишет И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «В марте еду в Кубань. Там: “Amare et non morire”» [1]. Иностранное выражение, на первый взгляд воспринимаемое как латинский афоризм, при ближайшем рассмотрении оказывается перифразом строки на итальянском языке, ключ к пониманию которой находим в переписке Антона Павловича Чехова и Ивана Леонтьевича Леонтьева-Щеглова. Какова история появления этого «афоризма», какое отношение он имеет к планировавшейся писателем поездке в Кубань?

Двадцать пятого декабря 1887 года «Новое время» публикует рассказ Леонтьева-Щеглова «Миньона (Из хроники Мухрованской крепости)» [2]. Антону Павловичу было известно о том, что Щеглов сочиняет рассказ, между 16 и 20 декабря 1887 году он интересовался: «Ну, что “Миньона”? Кончили?» (П. II, 161). Щеглов ответил: «“Миньона” благополучно сдана в “Новое время” в руки “самого” и благодаря Вашему воздействию написалась очень быстро без всяких излишних мудрствований, прямо как легла на сердце» (П. II, 436). Отзыв Чехова на это известие был скорым, уже 1 января 1888 года он отправил восторженные строчки автору: «“Миньона” – прелесть. Bravo! Бис! Щеглов, Вы положительно талантливы! Вас читают! Пишите!» (П. II, 166).

О чем шла речь в рассказе? Поручик Степури, служащий в захолустной Мухрованской крепости после окончания военного училища, ведет уединенный образ жизни, за что и прозван «пустынником». Долгие однообразные дни в крепости герой скрашивает дальними прогулками в сопровождении своего пса, чтением книг и игрой на цитре. На восьмом году «ничтожной, тоскливой и однообразной крепостной жизни» монотонное течение дней нарушил приезд знаменитой итальянской певицы синьоры Фиорентини. Певица дала концерт, последним номером которого была «Песнь Миньоны».

«Степури раз натолкнулся на разрозненный том сочинений Гёте, заключающий “Вильгельма Мейстера”. Многое он в романе не понял, некоторые страницы совсем пропустил, но все те места, где появляется Миньона, проглотил с лихорадочной поспешностью. Образ этого наивного, пленительного ребенка запал ему в душу, как тайный восторг первой любви, как случайная встреча с сочувственным созданием, так же как и он, бедным и потерянным среди чуждых ему людей, смутно предчувствующим иные радости,

иную жизнь, иную родину» [3]. Тоскующая песнь Миньоны «Ты знаешь ли страну?» запомнилась ему наизусть – как молитва. Программа концерта задела за живое, поручик «даже тихо вздрогнул». И вот Степури слышит чарующую музыку: «“Non conosci quell suolo / Che di tutti e il piu bello?” (Не знаешь ли ты ту страну, которая всех лучше?). Поет она... Но это уже не пение, это почти вопль, в котором слышится жгучая боль человеческого страдания: “Ivi pace trovare, Ivi amare, morire!” (Там бы найти покой, там бы любить, там бы умереть!). “Туда, скорее туда, в эту неведомую прекрасную страну, по которой тоскливо сжимается мое сердце!” – рыдает она в отчаянии... “Там полюбить... там и умереть!” “La solo, la solo vorrei restare, Amare, amare... e morire!”» [4].

Музыка и пение приводят Степурина в иступленное состояние, он «ничего не видит и не понимает, отчего все расходятся; ничего не слышит, кроме одного всезаглушающего, манящего, священного призыва. Рассказ завершается самоубийством поручика.

«“Amare et morire...” “Да, да, morire!” – думает он настойчиво про себя, сдерживая подступающие к горлу слезы. О, какое бы это было счастье, если б умереть сейчас, здесь, на этом самом месте, ни на секунду не выходя из своего сладостного оцепенения» [5].

Неведомая прекрасная страна, манившая Миньону и Степурина, для А. П. Чехова на какой-то момент нашла свое земное воплощение в Кубани, куда он собирается ехать. Предвкушение будущих впечатлений от этого замечательного края для Антона Павловича не связано с мрачными предчувствиями. Напротив, писатель готов любить и не умирать! Он мечтает увидеть на Кубани ту жизнь «с избытком», которую представляют в своих грезах герои его рассказов «Барыня» (1882), «Воры» (1890), сценического этюда «На большой дороге» (1884).

Ситуация, в которую поставлен герой рассказа «Барыня» Степан, трагична. Переживаемая им как продажа души нечистому «любовь» с барыней Стрелковой становится причиной тяжких моральных страданий и для Степана, и для его беременной жены Марьи. Степан напивается в кабаке, устраивает драку, бежит к дому отца, откуда накануне выгнали его бедную Марью.

«При виде Марьи в взбудораженных и опьяненных мозгах Степана вдруг мелькнула светлая мысль...

Бежать отсюда, бежать подальше с этой блед-

ной, как смерть, забитой, горячо любимой женщиной. Бежать подальше от этих извергов, в Кубань, например... А как хороша Кубань! Если верить письмам дяди Петра, то какое чудесное приволье на Кубанских степях! И жизнь там шире, и лето длинней, и народ удалее... На первых порах они, Степан и Марья, в работниках будут жить, а потом и свою земельку заведут. Там не будет с ними ни лысого Максима с цыганскими глазами, ни ехидно и пьяно улыбающегося Семена» (С. I, 271).

Герой не может допустить и мысли о безвыходном положении. Ему необходимо верить в то, что где-то жизнь лучше, что есть надежда обрести покой и счастье – жить своим трудом на своей земле. Как подметили исследователи, «утопические идеи рождались не только в головах ученых философов и социологов, но и в самой гуще народных масс. Элементы утопизма вообще присущи человеческому сознанию» [6]. Герой чеховского рассказа – не исключение, в поисках выхода из трудной жизненной коллизии он замышляет бегство.

«Но не тут-то было! Разлетелась в пух и прах Кубань...» (С. I, 271). Степан в приступе пьяного отчаяния убивает Марью, ударив ее кулаком в висок.

Мотив бегства – тоже в Кубань – встречаем в драматическом этюде «На большой дороге».

Непогода заставила остановиться на ночь в кабаке Тихона многих путников, среди них бродяга Егор Мерик. Между прохожим фабричным по имени Федя, Егором и хозяином кабака завязывается разговор:

Тихон. Куда нелегкая несет?

Мерик. В Кубань.

Тихон. Эва!

Федя. В Кубань? Ей-богу? (*Приподнимается.*) Славные места! Такой, братцы, край, что и во сне не увидишь, хоть три года спи! Приволье! Сказывают, птицы этой самой, дичи, зверья всякого и – боже ты мой! Трава круглый год растет, народ – душа в душу, земли – девать некуда! Начальство, сказывают... мне наместни один солдатик сказывал... дает по сто десятин на рыло. Счастье, побей меня бог!» (С. XI, 189).

Кубань, описанная фабричным Федей, меньше всего напоминает провинцию тогдашней России. И хороша эта земля, и вольна, и лето длиннее, и трава на лугах не вянет, и народ там удалой, и нет там ни ссор («народ живет там душа в душу»), ни нищеты («земли <...> по сто десятин на рыло») – одним словом, счастье! Такое райское место, «что и во сне не увидишь, хоть три года спи!» (С. XI, 189). И находится оно не где-то за тысячи верст, а в общем-то недалеко, буквально под боком.

Названо конкретное географическое место – Кубань, но в чеховской прозе семантическая структура этого топонима усложняется, включая такие семы, как `счастье`, `чудное приволье`, `славные места`, `изобилие`, `жить душа в душу`, `рай`.

Фантастический край изобилия и приволья изображен с точки зрения крестьянина, для которого «успех в хозяйстве, даже маленький, в России дается ценой жестокой борьбы с природой»

(П. VI, 44). А в Кубани труд не тяжел: идеальные пастбища, охотничьи и рыболовные угодья, плодородные земли делают жизнь легкой и свободной, а отношения людей гармоничными, исполненными любви и согласия.

Третье упоминание о Кубани появляется в рассказе 1890 года «Воры». Оно закрепляет романтизированный мифологический образ Кубани, созданный писателем на более ранних этапах творчества.

В один из рождественских вечеров непогода заставляет фельдшера Ергунова остановиться на постоялом дворе Андрея Чирикова. Об этом месте идет дурная слава, и не напрасно. Фельдшеру приходится заночевать здесь в обществе отъявленных мошенников и конокрадов Калашникова и Мерики, давних знакомцев дочери убитого недавно хозяина постоялого двора Любки. Фельдшер невольно подслушивает слова Мерики. Мерик, как бы шутя, говорит о своих планах.

«Ужо узнаю, где у твоей старухи деньги спрячаны, убью ее, а тебе горлышко ножичком передрежу, а после того зажгу постоялый двор... Люди будут думать, что вы от пожара пропали, а я с вашими деньгами пойду в Кубань, буду там табуны гонять, овец заведу...»

Любка ничего не ответила, а только виновато поглядела на него и спросила:

– Мерик, а хорошо в Кубани?

Он ничего не сказал, а пошел к сундуку, сел и задумался; вероятно, стал мечтать о Кубани» (С. VII, 320).

Снова Кубань выступает как место заветных мечтаний – столь дорогих сердцу, что и не со всяким о том можно поговорить. Место, где наконец-то успокоится бунтарский разбойничий дух Мерики, и он, конокрад и убийца, сможет жить как мирный пастух. Подобная идиллия сходствует с раем, описанным у пророка Исайя: «Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе» (Исайя, 11: 6).

Любка представляет будущую жизнь своего возлюбленного на свой лад. Для нее Кубань – прежде всего место, где царит любовь (как не вспомнить «*amare et non morire!*»). «Послушай меня, Мерик! – сказала Любка, и голос ее стал нежен и мягок. – Я знаю, ты разыщешь у мамки деньги, загубишь и ее, и меня и пойдешь на Кубань любить других девушек, но бог с тобой. Я тебя об одном прошу, сердце: останься!» (С. VII, 321).

Приведенные примеры убеждают нас в том, что топоним Кубань в тексте чеховской прозы символизирует универсальные признаки широко распространенного в культуре и от века искомого человеком места окончательной и полной радости. Эта земля обетованная – рай, Эдем, невинное начало пути человечества, географически локализованное «на Востоке» (Быт., 2: 9). Аналог Царства небесного как грядущей идиллии, которая ожидает правоверных после кончины мира. Такая интерпретация реального географического места дает основания говорить о мифотопониме, мифологеме, т. е. «заимствовании у мифа мотива,

темы или ее части и воспроизведение их в более поздних <...> произведениях» [7]. Здесь мифология соотносена с мотивом и темой, которые по своей функциональной ориентации признаковы и предикатны, поскольку призваны не называть предметы, а обозначать наши мысли о них [8].

Отчасти это предопределено мифологизацией Кубани в общественном сознании России XIX века: в русских социально-утопических сочинениях XVII–XIX веков Кубань упоминается как одно из мест, где живется лучше, чем дома, – «край изобилия и воли». В книге исследователя таких легенд К. В. Чистова читаем: «Практичный и трезвый, в целом мало склонный к мистицизму крестьянский ум должен был искать более реальных вариантов осуществления социальных (а вместе с тем и религиозных) чаяний и более реальных целей и маршрутов “бегства”. Вместе с другими крестьянами “бегуны” бежали в европейские и сибирские казачьи районы, несмотря на то, что уже в начале XVIII века не только власти, но и сами казаки стремились препятствовать этому движению» [9]. В легендах о «далеких землях» Кубань, Кавказ, Беловодье представляли не определенные географические объекты, а поэтический образ вольной земли, воплощение мечты о ней. Художественная литература XIX – начала XX века изобилует подобными примерами.

Упомянем несколько из них. Крестьяне деревни Богучарово – имени князя Андрея из «Войны и мира» Л. Н. Толстого – бежали на теплые реки. Андрей Мологин из одноименного произведения К. Головина, написанного в 1896 году, задумывал устроить жизнь с друзьями на Кубани. Сплавщик Силан Петров и его сожительница Марья (рассказ М. Горького «На плотях», 1895) тоже мечтали зажить новой, счастливой семьей на Кубани. В романе Е. Маркова «Черноземные поля» (1878) крестьянин Василь зовет свою возлюбленную Алену на Кубань, на «вольные земли» и благополучно устраивается у Азовского моря, куда переселил их просвещенный помещик Суворовцев [10].

Кубань и Кавказ одинаково заманчиво рисовали писатели разных направлений, независимо от их идейных установок. В русле таких социально-утопических легенд и видят Кубань как предполагаемую цель бегства герои А. П. Чехова.

Не только для них, но и для самого писателя этот край обладал большой притягательной силой. На протяжении двух лет Антон Павлович жил мечтой побывать здесь. Весной 1886 года он строил планы посетить брата Александра, работавшего в Новороссийской таможне, и писал 6 апреля из Москвы: «Неужели ты уедешь из Новороссийска? Нельзя ли тебе не уезжать до осени? Если не уедешь, то даю честное слово побывать у тебя летом» (П. I, 231). И далее в этом же письме: «Сообщи мне маршрут, как к тебе ехать» (П. I, 232).

Поездка не состоялась из-за болезни Александра и его срочного возвращения в Москву в мае 1886 года. Однако мысль поближе познакомиться с Кубанью не оставляла писателя, через несколько лет он снова стал думать о путешествии на юг. Об этом свидетельствует и письмо И. Л. Леонтьеву

(от 10 янв. 1888 г.), цитатой из которого мы начали статью. В письме Я. П. Полонскому (от 18 янв. 1888 г.) Чехов продолжил обсуждать эти планы: «Я приеду в Петербург, вероятно, в начале марта, чтобы проститься с добрыми знакомыми и ехать в Кубань. Апрель и май проживу в Кубани и около Черного моря, а лето в Славянске или на Волге» (П. II, 178). Но и на этот раз задуманное путешествие «в Кубань» так и не осуществилось. Летом 1888 года А. П. Чехов проплыл на пароходе вдоль Черноморского побережья Кубани, побывал в Абхазии, проехал по Военно-Грузинской дороге, увидел Батуми, Тифлис, но это было другое путешествие – по Кавказу. Его красота поразила писателя, о чем он с восторгом писал К. С. Баранцевичу 12 августа 1888 года (П. II, 308). На обратном пути из Тифлиса вместе с сыном А. С. Суворина А. П. Чехов добрался до станции Тихорецкой, откуда сын Суворина поехал по недавно открывшейся новороссийской железной дороге в Крым, а Чехов через Ростов-на-Дону вернулся в Сумы [11].

Совершенно очевидно, что романтический мифологизированный образ Кубани, ярко представленный в «Ворах», «Барыне», «На большой дороге» сформировался у писателя не под влиянием личных впечатлений от поездки на Кубань. Более того, возможно, именно отсутствие личных наблюдений за реальной жизнью в Кубанской области позволило Чехову представить Кубань землей обетованной и связать с этим краем мечты своих героев о лучшей жизни. Идеал, не найденный в настоящем, вынесен в будущее и за пределы знакомых земель. Его чертами была наделена Кубань, которую А. П. Чехов видел лишь из окна поезда, с борта парохода. Его мечте побывать на Кубани так и не суждено было сбыться. В этом смысле ошибочны утверждения, данные в ряде статей, размещенных в Интернете и в некоторых книгах, популяризирующих литературу края [12]. Там говорится, что А. П. Чехов неоднократно бывал на Кубани, хотя писатель ездил лишь на Черноморское побережье. При административном делении территории оно присоединено к Кубанской области в конце XIX века, но собственно Кубанью для Чехова и его современников было пространство, северная граница которого лежала у Ейского лимана, а южная проходила в районе главного Кавказского хребта. В словаре того времени читаем: «Кубанская область рассматривается здесь без Черноморского округа, лишь недавно присоединенного к ней» [13].

Для многих сюжетов А. П. Чехова важен некий идеальный для жизни человека топос – воплощение положительного идеала, который озвучен в устах многих его героев (Соня в пьесе «Дядя Ваня», Вершинин, Ирина, Ольга в «Трех сестрах», Трофимов в «Вишневом саде») и отнесен в будущее. Говорил об этом и сам Антон Павлович. Подобные разговоры вспоминает А. И. Куприн: «Знаете ли, через триста-четырееста лет, – говорит Антон Павлович, – вся земля обратится в цветущий сад. И жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна» [14].

Исследователи поэтических трансформаций, происходящих с реальными топонимами, отмечают, что в творчестве А. П. Чехова «натуральная географическая карта теряет свою буквальность» и публикуют, на наш взгляд, интересные наблюдения: *Париж* Раневской или *Москва* трех сестер имеют мало общего с конкретными населенными пунктами; это «объекты ничем неугасимого к себе влечения, некое *идеальное* (там хорошо, где нас нет) место, оплот исполнения чаяний и надежд» [15]. Даже Сахалин в книге очерков «Остров Сахалин» «не просто географический хронотоп, но литературная репрезентация универсальной мифологемы острова» [16].

В этом поэтико-топонимическом ряду чеховского идиостиля особое место занимает мифологема *Кубань*, по совокупности образных характеристик вполне соответствующая той неведомой прекрасной стране, о которой поет Миньона.

Литература и примечания

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1974–1988. Письма. Т. 2. С. 172. Далее тексты писателя цитируются в круглых скобках с обозначениями: С. – сочинения, П. – письма, римской цифрой – том, арабской – страница.
2. Леонтьев-Щеглов И. Л. Миньона (Из хроники Мухроманской крепости) // Писатели чеховской поры: в 2 т. / вступ. ст., сост. и комм. С. В. Букчина. Т. 1. М., 1982. С. 459.
3. Там же. С. 408.
4. Там же. С. 410.
5. Там же. С. 411.
6. Чистов К. В. Русская народная утопия (ге-

незис и функция социально-утопических легенд). СПб., 2011. С. 396.

7. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М., 1996. С. 236.

8. Подробнее см.: Кондрашова О. В. Семантика поэтического слова: функционально-типологический аспект. Краснодар, 1998. С. 135–140.

9. Чистов К. В. Русские социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 249.

10. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3–4. М., 1957. С. 151–152; Головин К. (К. Орловский). Андрей Мологин. СПб., 1903. С. 282; Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М., 1949. С. 22–34; Марков Е. Черноземные поля: в 2 т. Т. 1. М.; СПб., 1878. С. 379.

11. Веленгурин Н. Ф. Дорога к Лукоморью. Краснодар, 1984. С. 186.

12. Неронова В. Брат предлагал Антону Чехову построить дом на Кубани // Комсомольская правда. 28 янв. 2010; Кубань литературная. Краснодар, 2002.

13. Кубанская область // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XVII. С. 915.

14. Куприн А. Памяти Чехова // Роман-газета. 2010. № 2. С. 26.

15. Гульченко В. В. В Москву! В Москву?.. (Провинция и Столица в пьесах Чехова) // Чеховиана. Чехов: взгляд из XXI века. М., 2011. С. 267, 261.

16. Горницкая Л. И. Мифологема острова в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» // А. П. Чехов: Русская и национальные литературы. Материалы междунар. научно-практ. конф. 26–27 марта. Ереван, 2010. С. 68.

O. V. SPACHIL. «IN MARCH I AM GOING TO KUBAN, WHERE "AMARE ET NON MORIRE"» (About A. P. Chekhov's mythopoetics)

The article is dedicated to Kuban as a mythologeme in A. P. Chekhov's works.

Key words: Kuban, I. L. Leont'ev-Scheglov, A. P. Chekhov, mythopoetics, mythologeme.

П. С. ВОЛКОВА, П. В. НЕВСКАЯ

«ПИКОВАЯ ДАМА» Л. УЛИЦКОЙ КАК ОПЫТ ДЕКОНЦЕНТРИРОВАННОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

В статье проводится мысль о том, что в тексте художественного произведения портретное изображение человека нередко перерастает свою изобразительную функцию и становится своего рода призмой и способом видения мира, как это представлено в повести Л. Улицкой «Пиковая дама».

Ключевые слова: портрет, жанр, герой, изображение, символ, реинтерпретация, деконцентрированное портретирование.

Последние годы ознаменованы чрезвычайным интересом представителей гуманитарного знания (культурологов, философов, музыковедов, искусствоведов) к проблеме человека и к его презентации в тексте художественного произведения. Системные исследования образа человека как объекта и субъекта речи стали, можно сказать, доминан-

тами современной лингвоантропологической парадигмы. Портретирование как универсальная форма текстовой репрезентации человека является «особый национально-культурный концепт с ядром и различными образными, оценочными, экспрессивными смыслами, дополняющими это ядро» [1]. Неслучайно портрет позиционирует-